

УДК 821.161.1 – 1

СТИХОТВОРЕНИЕ Н. ГУМИЛЕВА «В БИБЛИОТЕКЕ» (1909): ПОЭТИКА «ВОСПОМИНАНИЙ»

© 2013 г.

А.А. Чевтаев

Государственная полярная академия, Санкт-Петербург

achevtaev@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.10.2012

Рассматривается специфика лирического «я» в стихотворении Н. Гумилева «В библиотеке» (1909) в аспекте нарративной организации поэтического текста. Анализ произведения показывает, что особая форма лирического повествования, структурно разграничивающая позиции субъекта и персонажа, порождает ценностное родство их самополагания в мире, раскрывающееся в идеологии мистического «воспоминания» («анемнезиса»).

Ключевые слова: воспоминание, лирический субъект, лирический сюжет, повествование, поэтический универсум, художественная идеология.

Как известно, одним из центральных принципов смыслопорождения в поэтическом мире Николая Гумилева является особое постулирование лирического субъекта, разомкнутого в различные мифологические, исторические, литературные и общекультурные контексты. Специфика гумилевского самополагания в художественном универсуме определяется тем обстоятельством, что «герой» его поэзии – это не только структурно-семантическая позиция субъектного «я», но и романтически осмысленное поведение человека в реальности, хотя и эстетически данное, но укорененное в бытии. Необходимость онтологического постижения собственного существования в качестве ведущей авторской интенции, соединенная с погружением в опыт мировой культуры, обуславливает тот широкий спектр масок лирического «я», посредством которых реализуется концепция отношения поэта к миру.

В исследованиях, посвященных творчеству Н. Гумилева, часто поднимается вопрос о характере его лирического субъекта и способах его репрезентации в художественной действительности. Так, проблема типологии героя и моделей его поведения в гумилевской поэзии рассматривается, например, в работах С.Л. Слободнюка [1], Н.Ю. Самойловой [2], Т.В. Тадевосяна [3]. При всех различиях в критериях и интерпретациях субъектной вариативности в творчестве поэта, данные типологии объединяются акцентированием в облике субъекта-героя событийно-ситуативных параметров отношения к изображаемому универсуму: путешественник, воин, любовник, жрец, поэт. Соответственно,

поступок (странствие, поединок, любовная встреча, магический и/или творческий акт) оказывается основой онтологического взаимодействия в системе «Я – Мироздание».

Вместе с тем, основываясь на реализации различных, нередко не сводимых друг к другу, сюжетных «ролей», разворачиваемых в пределах того или иного текста, гумилевская поэтика в результате продуцирует целостную концепцию человеческого «я» как многомерной личности, устремленной к постижению полноты бытия. Конечно, большинство стихотворений поэта отмечено внешним единством избранной лирической маски в ее культурно-исторических связях и композиционных проявлениях. Однако в ряде случаев в поэтическом мире Н. Гумилева обнаруживается неоднозначность интерпретации облика лирического субъекта в аспекте формирования художественной идеологии, и эта неоднозначность связана с семантической вариативностью позиций лирического героя и персонажа в сюжетной структуре текста.

Подобная смысловая многоплановость лирического «я» становится основой поэтического миромоделирования в стихотворении Н. Гумилева «В библиотеке», написанном в 1909 году и включенном поэтом в состав третьей книги стихов «Жемчуга» (1910). Отметим, что впоследствии, при переиздании «Жемчугов» в 1918 году, данное стихотворение Н. Гумилев посвящает М.А. Кузмину. Не останавливаясь в настоящей статье на контекстуальных связях гумилевского текста и кузминского творчества, описанных в коллективной работе Р.Д. Тименчика, В.Н. Топорова и Т.В. Цивьян [4, с. 254], мы об-

ратимся к особенностям субъектной структуры данного стихотворения в аспекте онтологических представлений авторского «я», соотносимых прежде всего с одной из центральных идеологем гумилевской поэтики – идеологемой «воспоминания» [5; 6].

Укажем, что структурной основой рассматриваемого текста является нарративное развертывание сюжета, присущее как поэтике сборника «Жемчуга», так и творчеству Н. Гумилева в целом. Как уже было отмечено, самоопределение «я» в гумилевской поэзии чаще всего осуществляется в событийном ряду, актуализирующем определенный мифологический, исторический или литературный контекст. Соответственно, субъектное погружение в событийность усиливает эпическое начало в структуре лирического высказывания.

Повествовательность в качестве ключевой характеристики ранней поэзии Н. Гумилева отмечена уже в первых научных работах, посвященных его творчеству. Так, Ю.Н. Верховский констатирует присущие художественному миру поэта «объективацию, проецирование личного момента во вне... предпочтение лиро-эпических форм, условно балладного склада» [7, с. 507]. Безусловно, конструирование «объективной» «точки зрения» на изображаемые события и тяготение к балладным принципам поэтического сюжетостроения оказывается существенным параметром поэтики Н. Гумилева, особенно в структуре книги «Жемчуга». Например, жанровая модель баллады проявляется в таких стихотворениях поэта, как «Старый конквистадор» (1908), «Варвары» (1908), «Поединок» (1909), «Царица» (1909), «Он поклялся в строгом храме...» (1910), триптих «Возвращение Одиссея» (1909).

Вместе с тем в ряде стихотворений Н. Гумилева проекция лирического субъекта в сферу внеположную ментальным проявлениям его «я» и, как следствие, усиление нарративных тенденций в структуре текста оказываются значительно шире переосмысления балладного инварианта и реализуются не столь прямолинейно, образуя оригинальную систему лирического повествования. Особый характер нарратива обнаруживается и в стихотворении «В библиотеке», оказываясь здесь основой раскрытия идеологической позиции субъектного «я».

Итак, в первой строфе стихотворения задается вектор рефлексии лирического субъекта, направленный на осмысление книжно-библиотечного пространства как особой реальности: «О, пожелтевшие листья / В стенах вечерних библиотек, / Когда раздумья так чисты, / А пыль пьянее,

чем наркотик!» [8, с. 252]. Мир книг предстает в качестве идеального бытия, захватывающего человека и отчуждающего его от действительности земного существования. «Библиотечная» тематика здесь очевидно восходит к стихотворению И.Ф. Анненского «Идеал» (1904), а также к его переводу стихотворения французского символиста М. Роллина «Библиотека» (1904) [8, с. 459]. Так, в «Идеале» акцентируются бесплодность приобщения к миру книг и, как отмечает Н.В. Налегач, «сомнение в возможности постижения жизни посредством книжного опыта» [9, с. 40] (Ср: «Тупые звуки вспышек газа / Над мертвой яркостью голов, / И скуки черная зараза / От покидаемых столов, / И там, среди зеленолицых, / Тоску привычки затая, / Решать на выцветших страницах / Постылый ребус бытия» [10, с. 33]). Эксплицированный в стихотворениях И.Ф. Анненского и М. Роллина мотив завороченности библиотечным пространством и сомнамбулического привыкания к нему («Тоску привычки затая» («Идеал») [10, с. 33]; «<...> И содрогнулась мысль, почуяв тяжкий плен, – / И пробили часы тринадцать раз железных / Среди запустения проклятых этих стен» («Библиотека») [10, с. 375]) также актуализирован и в гумилевском варианте восприятия книжной реальности: «А пыль пьянее, чем наркотик!»

Вместе с тем отрицательные коннотации библиотечно-книжного мира здесь не столь абсолютны, как в указанных произведениях. Если в двух более поздних стихотворениях Н. Гумилева «Читатель книг» (1910) и «У меня не живут цветы...» (1910), также вошедших в состав «Жемчугов», мотив онтологической враждебности книжного опыта отчетливо эксплицирован, то в рассматриваемом случае он обнаруживает некоторую амбивалентность, связанную с самоопределением лирического субъекта.

Во второй строфе ощущение «стерильности» библиотечного пространства сменяется эмоциональным погружением в мир фантазии: «Мне нынче труден мой урок. / Куда от странной грезы деться? / Я отыскал сейчас цветок / В процессе древнем Жиль де Реца» [8, с. 252]. Как видно, здесь актуализируются фабульные элементы сюжетного развития: лирический субъект эксплицирует себя в диегетическом плане текста в качестве героя стихотворения, и событием лирического повествования становится смещение поиска ответов на вопросы о сущности бытия из книжного мира в сферу мечтаний. «Цветок» становится знаком преобразования материальной действительности, обуславливающей эмпирическое существование лирического героя.

Здесь же обозначено направление семантической трансформации сюжетного движения. Упоминание о бароне Жиле де Лавале де Рэ (1404–1440), маршале Франции, участнике Столетней войны и сподвижнике Жанны д'Арк, которому приписываются занятия черной магией и серийные убийства, предвосхищает трагичный характер дальнейшего события. В этом отношении показательно, что в автографе стихотворения акцент сделан на личностном измерении маршала де Рэ: «Средь *мемуаров* Жиль де Реца» [8, с. 320] (курсив наш. – А.Ч.). Изменение, внесенное Н. Гумилевым в окончательный вариант текста («В процессе древнем Жиль де Реца»), эксплицирует историко-культурное восприятие данной фигуры как преступника, совершившего чудовищные злодеяния, которые подробно описаны в материалах средневекового судебного процесса [11; 12], и тем самым задает смысловой вектор последующих событий повествования.

Синтагматическое соединение знака «цветок» и книги о процессе средневекового маршала продуцирует перевод сюжетного развития в сферу любовных отношений. В мифопоэтической символике основными значениями «цветка» являются «красота (особенно женская), духовное совершенство, природная невинность... весна, молодость, доброта» [13, с. 402]. «Невинность» и «красота», реализуемые семантикой данного знака, актуализируют сказочный сюжет о Синей Бороде, прототипом которого считается Жиль де Рэ. Соответственно, происходит любовный поворот в рецепции злодеяний этого исторического лица.

Кроме того, и «цветок», и процесс барона де Рэ обозначают мистический план происходящего с лирическим героем. Как известно, погружение в оккультные практики и мистицизм является одним из смысловых центров художественной идеологии Н. Гумилева [14; 15]. Соответственно, чтение книги о человеке, которому приписываются занятия черной магией, и обнаружение в ней «цветка», символизирующего также «круговращение – рождение, жизнь, смерть и возрождение» [13, с. 402], то есть выход за пределы телесно-земного мира и проникновение в сущность бытия, переводят повествуемую ситуацию в магическую плоскость, где книга становится источником преобразования действительности.

Любовный вектор повествования получает развитие в третьей строфе: «Изрезан сетью бледных жил, / Сухой, но тайно благовонный... / Его, наверно, положил / Сюда какой-нибудь влюбленный» [8, с. 252]. Созерцание «цветка»

инспирирует ментальное погружение «я» лирического героя в чужую жизнь, что приводит к изменению повествуемой истории и нарративному удваиванию высказывания: в центре лирического повествования здесь оказывается уже не сам герой, а другой, воображаемый персонаж («какой-нибудь влюбленный»). Гипотетическая модальность («наверно», «какой-нибудь») формирует своеобразный «прогностический» нарратив, где акцентируется предполагаемый характер рассказываемой истории. Однако далее в «точке зрения» лирического героя-повествователя проявляется уверенность в истинности произошедшего, как если бы он являлся свидетелем повествуемых событий: «Еще от алых женских губ / Его пылали жарко щеки, / Но взор очей уже был туп, / И мысли холодно-жестоки» [8, с. 252].

Как видно, любовная направленность сюжета, изначально данная посредством намеков (Жиль де Рэ как Синяя Борода, убивавший своих жен, и «цветок», предстающий как персонафикация некой неизвестной возлюбленной («Изрезан сетью бледных жил, / Сухой, но тайно благовонный»)), здесь уже четко эксплицирована. Причем в сознании лирического героя соединяются и страстность чувств воображаемого персонажа, и появившийся у него замысел разрыва с близкой женщиной (еще одна реминисценция на образ Синей Бороды (Ср.: «...все это были жены Синей Бороды, который вступал с ними в брак, а потом убивал» [16, с. 35])). Мотив непреодолимой inferнальной страсти, влекущей персонажа к преступлению, разворачивается в следующей строфе стихотворения: «И, верно, дьявольская страсть / В душе вставала, словно пенье, / Что дар любви, цветок, увясть / Был брошен в книгу преступленья» [8, с. 252]. В контексте образа средневекового оккультиста эпитету «дьявольская» возвращается буквальное значение, и, соответственно, обнаруживается еще одна отсылка к деяниям Жиле де Рэ – предписываемый ему договор с Дьяволом [12, с. 201–204].

Здесь же раскрывается характер поступка персонажа: процесс французского маршала назван «книгой преступленья» не только и не столько в силу его чернокнижных опытов, сколько из-за совершенного злодеяния неизвестного влюбленного. Вновь упомянутый «дар любви, цветок» продуцирует отмеченную выше идеологему «круговращения»: оставленный между страниц старинной книги, он пробуждает в лирическом герое знание о произошедшей любовной трагедии. Таким образом, воображаемая история в субъектной рецепции оказыва-

ется своеобразным «воспоминанием» о чужих поступках. Нарратив о преступлении, коррелирующем с деяниями Жилия де Рэ, становится «анемнетическим» проникновением в перипетию существования души другого «я». Подобный акт «анемнезиса» как мистического припоминания является одним из центральных принципов постижения универсума в поэзии Н. Гумилева, разворачиваясь в широком спектре лирических масок. Разумеется, в данном случае мотив «воспоминания» представлен имплицитно, так как лирический герой принципиально разграничивает собственную «точку зрения» читателя книги, реконструирующего чужое бытие, и позицию персонажа, уничтожившего свою любовь.

Такое балансирование между знанием и фантазией сохраняется и в следующей строфе, представляющей кульминационную точку развития внутреннего (воображаемого/припоминаемого) сюжета: «И после, там, в тени аркад, / В великолепьи ночи дивной / Кого заметил тусклый взгляд, / Чей крик послышался призывный?» [8, с. 252–253]. Сохраняя свою «свидетельскую» позицию в детализации пространства, лирический повествователь эксплицирует затемненный фокус наррации: ключевое событие остается для него неизвестным. Замещение рассказа о преступлении вопросами, во-первых, подчеркивает интимный характер события (зло направлено на возлюбленную персонажа), а во-вторых, демонстрирует онтологический предел проникновения в чужую судьбу. Мистическое «воспоминание» оказывается ограниченным, так как в бытии каждого человека есть сферы, недоступные другому.

Поэтому в данной точке нарративное развертывание сюжета резко останавливается, и далее лирический герой возвращается к моменту собственной рефлексии, подчеркивая безусловную сакральность любовного чувства: «Так много тайн хранит любовь, / Так мучат старые гробницы! / Мне ясно кажется, что кровь / Пятнает многие страницы» [8, с. 253]. Акцентируя невозможность постижения страсти и ею вызванных событий, объясняющую прерывание повествования о чужой любви и чужом преступлении, он вновь осознает себя в библиотечно-книжном локусе. Цветок, найденный в книге о Жиле де Рэ, и вызванное им мистически «воспоминание» о некоем неизвестном другом человеке, порождают универсальное представление о тайнах, скрытых в мире книг. «Старые гробницы» здесь метафорически отождествляются с книжными томами.

По мысли Ю.В. Зобнина, указывающего на разочарованность поэта в символистском миро-

ощущении, «в творчестве раннего Гумилёва возникает антиномичное [по отношению к символизму] сравнение «книги» с «адам» [17, с. 39]. Безусловно, inferнальный характер книжного пространства проявляется в гумилевской поэтике, особенно периода «Жемчугов». Так, «стерильность» и забвение, даруемые погружением в мир книг и осознаваемые как антиценность, образуют смысловой центр стихотворения «Читатель книг»: «Читатель книг, и я хотел найти / Мой тихий рай в покорности сознания, / Я их любил, те странные пути, / Где нет надежд и нет воспоминанья. / Неутомимо плыть ручьями строк, / В проливы глав вступать нетерпеливо / И наблюдать, как пенится поток, / И слушать гул идущего прилива!» [8, с. 267]. Идеологема враждебности книжного опыта человеческому «я» еще отчетливее раскрывается в стихотворении «У меня не живут цветы...»: «Только книги в восемь рядов, / Молчаливые, грузные томы, / Сторожат вековые истомы, / Слово зубы в восемь рядов» [8, с. 273]. Причем здесь книжное пространство уравнивается с миром мертвых: «Мне продавший их букинист, / Помню, был и горбатым, и нищим... / ...Торговал за проклятым кладбищем / Мне продавший их букинист» [8, с. 273].

Однако в рассматриваемом стихотворении семантика книжного «ада» не столь однозначна: с одной стороны, книга хранит в себе «память» о злодеяниях (и буквально – как изложение преступлений Жилия де Рэ, и метафизически – через цветок, свидетельствующий о преступной страсти), с другой – она оказывается источником вживания в чужую судьбу, инспирирует диалог с воображаемым Другим, тем самым приобщая лирического героя к многомерности человеческих отношений и иррациональных движений «я» в бытии. Соответственно, как отмечает М.В. Смелова, книга в поэзии Н. Гумилева становится источником «духовного странствия поэта», приводя его к пониманию внутреннего сходства духовного и материального миров – и там, и там «кровь пятнает многие страницы» [18, с. 41]. Поэтому далее лирический герой констатирует универсальность постоянного соприкосновения Добра и Зла: «И терн сопутствует венцу, / И бремя жизни – злое бремя... / Но что до этого тещу, / Неутомимому, как время!» [8, с. 253]. Слава оборачивается духовным крахом (победы маршала де Рэ в сражениях Столетней войны затемняются его преступлениями и чернокнижными опытами), любовь завершается смертью (страсть воображаемого любовника перетекает в жажду убийства).

Такое осознание возможной обратимости светлого и темного начал образует центральную идеологему стихотворения и становится результатом духовной инициации лирического героя. Так, по мнению М.В. Смеловой, в начале текста содержится указание на ритуал посвящения («Мне нынче труден мой урок»), который завершается пониманием банальности урока: «Но что до этого чтецу, / Неутомимому, как время!», так как «герой находится вне этих страниц, над ними» [18, с. 52]. С подобной интерпретацией можно было бы согласиться, если бы на этом стихотворение завершалось. Однако последняя строфа перекодирует данную семантику: декларируемое безразличие героя-«чтеца» оказывается выражением эмоционального надрыва и жажды преодоления «времени жизни».

В финальных строках лирический герой осознает свою причастность воображаемым событиям своего повествования: «Мои мечты... они чисты, / А ты, убийца дальний, кто ты?! / О, пожелтевшие листья, / Шагреневые переплеты!» [8, с. 253]. Именно здесь он впервые прямо называет преступление, совершенное неизвестным любовником, – убийство возлюбленной. Подчеркивая «чистоту» и «невинность» своих мечтаний, он вопрошает персонажа о сущности его «я» и тем самым указывает на возможную идентичность собственного внутреннего мира ментальным безднам «я» убийцы. Обозначение такого бытийного родства позволяет интерпретировать персонажа как своеобразного двойника лирического героя, о деяниях которого он мистически (посредством книги о Жиле де Рэ) «вспоминает».

Конечно, здесь нет абсолютного сближения идеологических планов «я» повествователя и героя, как в большинстве ранних стихотворений Н. Гумилева. Но в то же время смысловой вектор истории, встающей за найденным в книге предметом – цветком, и глубокое погружение лирического героя в мир чужого «я» актуализируют их близость друг другу, прежде всего – в понимании любви как иррационального акта, ведущего к гибели.

Таким образом, в стихотворении «В библиотеке» лирический субъект разворачивает высказывание в двух нарративных планах (рассказ о себе и рассказ о Другом), в финале соединяемых в точке бытийного соприкосновения разных сознаний. Как видно, библиотечное пространство здесь оказывается локусом, в котором герой совершает своеобразное «анемнетическое» проникновение в тайны прошлого. Книга мыслится источником «анемнезиса», расширя-

ющим духовный горизонт лирического «я» и наращивающим его онтологический опыт. Этот опыт предстает как постижение темных проявлений человеческой души, своеобразной алхимической «работой в черном» (стадией *nigredo*), предполагающей погружение в бездну с целью грядущего восхождения к свету. По сути, лирический субъект Н. Гумилева здесь обозначает еще одну ипостась своего многомерного «я», не срастаясь с ней полностью, но показывая, что и это измерение бытия также присуще человеку. Поэтому смысл данного стихотворения может быть понят как актуализация «памяти» о Другом, посредством чего душа обретает онтологическое единство и полноту бессмертного существования.

Список литературы

1. Слободнюк С.Л. Николай Гумилев: модель мира (К вопросу о поэтике образа) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 143–164.
2. Самойлова Н.Ю. Субъектная организация лирики Н. Гумилева // Проблемы литературных жанров. Ч. 2. Томск: ТГУ, 2002. С. 36–44.
3. Тадевосян Т.В. Мифологема героя в поэтическом творчестве Н.С. Гумилева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МПГУ. М., 2008. 22 с.
4. Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. Vol. 6. 1978. P. 213–305.
5. Чевтаев А.А. Функции и семантика «воспоминания» в ранней поэзии Н. Гумилева (О некоторых аспектах лирического сюжетостроения) // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. Ижевск, 2011. Вып. 4. С. 23–31.
6. Черненкова О.Б. Прошлое время в поэзии Н.С. Гумилева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2003. № 5. С. 140–148.
7. Верховский Ю.Н. Путь поэта // Н.С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 505–550.
8. Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 501 с.
9. Налегач Н.В. «Читатель книг» Н. Гумилева и «Идеал» И. Анненского: к проблеме поэтического диалога // Гумилевские чтения. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 35–41.
10. Анненский И.Ф. Стихотворения. Трагедия. Переводы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 431 с.
11. Батай Ж. Процесс Жиле де Рэ. М: KOLONNA Publications, 2008. 298 с.
12. Тогова О.И. Сказка о Синей Бороде // Тогова О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006. С. 182–221.
13. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
14. Баскер М. Ранний Гумилев: Путь к акмеизму. СПб.: РХГИ, 2000. 160 с.

15. Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: НЛЮ, 2000. С. 113–144.

16. Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями. М.: Правда, 1986. 288 с.

17. Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилёва) // Н.С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 5–52.

18. Смелова М.В. Онтологические проблемы в творчестве Н.С. Гумилева. Тверь: ТГУ, 2004. 126 с.

THE POEM «V BIBLIOTEKE» (1909) BY N. GUMILEV: POETICS OF «MEMORIES»

A.A. Chevtsev

The article considers the particularity of lyrical «self» in the poem «V Biblioteke» (1909) by N. Gumilev in terms of narrative organization of poetical text. The analysis of this text shows that a peculiar form of lyrical narrative, by structurally separating the positions of the subject and the character, produces an axiological affinity of their existence in the world, which manifests itself in the ideology of mystical «memory» («anamnesis»).

Keywords: remembrance, lyrical subject, lyrical plot, narration, poetical universe, artistic ideology.